

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

КНИГИ
КЕЙТ АТКИНСОН

Музей моих тайн
Человеческий крокет
Преступления прошлого
Поворот к лучшему
Ждать ли добрых вестей?
Чуть свет, с собакою вдвоем
Жизнь после жизни
Боги среди людей

КЕЙТ
АТКИНСОН

БОГИ *среди* ЛЮДЕЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 92

Kate Atkinson
A GOD IN RUINS
Copyright © 2015 by Kate Costello, Ltd.
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-11205-6

© Е. Петрова, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Человек — это рухнувшее божество. Когда люди вернуться к невинности, жизнь станет дольше и будет переходить в бессмертие так же незаметно, как мы пробуждаемся ото сна.

Ральф Уолдо Эмерсон. Природа¹

«Искусство призвано *нести* истину о предмете, а не *быть* истиной».

Сильви Бересфорд-Тодд

Однажды [св. Георгий] пришел в город Салем, близ которого жил змей, каждый день пожиравший кого-нибудь из жителей, выбираемых по жребию согражданами.

В тот день, когда пришел св. Георгий, жребий пал на королевскую дочь Клеолинду. Св. Георгий решил, что она не должна умереть, отправился на болота, где обитал змей, сразился с ним и убил его.

Оказываясь перед лицом препятствий или опасностей, даже самых серьезных, даже принявших обличье змея, он не уходил в сторону и не робел, но бросался вперед, не щадя ни себя, ни своего коня. Вооруженный одним лишь копьём, он вступал в битву, сражался не за страх, а за совесть и в конце концов одолевал врага, коего другие убоялись.

Именно так должен вести себя скаут перед лицом препятствий и опасностей, даже самых серьезных и пугающих, невзирая на скудость своего оснащения.

Роберт Баден-Пауэлл. Руководство по скаутингу для мальчиков

¹ Перевод А. Зверева.

Посвящается Ройбену

30 марта 1944

Последний вылет

Нейзби

Он дошел до живой изгороди у кромки летного поля.

Обход территории. Ребята говорили «ежедневный моцион» и не находили себе места, если это правило нарушалось. Суеверные. Все как один — суеверные.

За живой изгородью тянулись распаханые под зиму голые поля. Он не загадывал увидеть алхимию весны — преобразование темно-бурой поверхности в зеленую, а потом в бледно-золотую. Жизнь лучше измерять урожаями. Их он насчитал предостаточно.

Аэродром окружали плоские фермерские угодья. Сама ферма, квадратная и незыблемая, находилась в левой стороне. Чтобы самолеты не снесли дом, на коньке крыши по ночам зажигали красный маячок. Если при заходе на посадку конек оставался позади, ребята понимали, что это перелет и надо принимать меры.

Отсюда он видел дочку хозяина, которая во дворе кормила гусей. Какой-то был детский стишок... Нет, то было про хозяйку, которая оттяпала хвосты мышам. Жуткая картина. Бедные мышата, сокрушался он в детстве. Да и сейчас тоже. Детские стишки бывают на редкость кровожадными.

На дворе, в траве шурша,
Жили три слепых мыша.
А хозяйка ночью встала —
Всем хвосты поотрубала.

КЕЙТ АТКИНСОН

С дочерью фермера он так и не познакомился, даже не выяснил, как ее зовут, но, вопреки здравому смыслу, испытывал к ней самое сердечное чувство. Она всегда махала им вслед. Иногда к ней присоединялся отец, пару раз появилась мать, но ни один боевой вылет не обходился без прощания этой девушки.

Завидев его, она и сейчас помахала. Вместо того чтобы ответить тем же, он взял под козырек. Решил, что это ей понравится. С такого расстояния она могла различить не более чем военную форму. Девушка понятия не имела, кто этот человек. Тедди был всего лишь одним из многих.

Он свистнул, подзывая собаку.

1925

«Алуэтта»

— Гляди! — встрепепулся он. — Жаворонок! Полевой жаворонок. — Скосив глаза, Тедди заметил, что тетка смотрит в другую сторону. — Да нет же, вот там, — указал он пальцем.

Одна морока с ней.

— А-а, — в конце концов протянула она. — Вон где, вижу! Странно... что он там делает?

— Парит, а потом, наверное, опять улетит к небу.

Жаворонок взмыл на волне своей удивительной песни. Трепетный полет птицы и чудо ее музыки неожиданно растопили ледок в душе Тедди.

— Слышишь?

Театральным жестом тетушка приложила ладонь к уху. Расфуфыренная как павлин, она была здесь совершенно не к месту, особенно в этой затейливой, красной, как пожарный сигнал, шляпе с двумя пышными фазаньими перьями, колыхавшимися от малейшего движения. Не ровен час — охотники подстрелят такую дичь; он бы не удивился. И поделом будет, подумал Тедди. Время от времени ему разрешались — не кем-нибудь, а его собственной волей — варварские мысли: естественно, неозвученные. («Хорошие манеры, — наставляла мама, — это доспехи, которые следует надевать каждое утро».)

— Что я должна слышать? — переспросила наконец тетка.

— Песню. — Он запасся терпением. — Песню жаворонка. Все, уже смолкла, — добавил он, поскольку тетка упорно делала вид, будто прислушивается.

— Может, сейчас опять начнется.

— Вряд ли. Жаворонок улетел. Тю-тю. — Для пущей убедительности Тедди захлопал руками, как крыльями.

Ее знакомство с миром птиц ограничивалось фазаньими перьями. Да и от мира животных она была очень далека. Кошку и то не держала. К дворняжке Трикси, которая сейчас бежала впереди, с азартом обнюхивая пересохшую канаву, тетушка относилась с полным равнодушием. Трикси, самая верная его спутница, всегда была рядом, буквально со щенячьей поры, когда умещалась в кукольном домике его сестер.

Неужели тетушка ждет, что ее будут просвещать? — спрашивал себя Тедди. А иначе зачем они сюда тащились?

— Жаворонок узнают по его пению, — наизда-тельно сообщил он. — По прекрасному пению.

Просвещать тетку в вопросах прекрасного было, разумеется, гиблым делом. Прекрасное — это данность, которую ты либо воспринимаешь, либо нет. Его сестры, Памела и Урсула, воспринимали. А старший брат Морис — нет. Братишка Джимми для прекрасного был еще слишком мал, а отец, как видно, слишком стар. У отца, Хью, была граммофонная пластинка «Взлетающий жаворонок», которую они слушали дождливыми воскресными днями. Но та чарующая музыка и близко не стояла к настоящей песне жаворонка. «Искусство, — говорила, точнее, внушала ему мать, Сильви, — призвано *нести* истину о предмете, а не *быть* истиной». Покойный дед Тедди по материнской линии был известным художником, и такое родство позволяло маме выносить авторитетные суждения об искусстве. Равно как и о прекрасном, считал Тедди. Все эти понятия — Искусство, Истина, Пре-

красное — в маминых устах будто бы начинались с прописной буквы.

— Если жаворонок летает высоко, — без всякой надежды продолжал он, обращаясь к Иззи, — значит погода ясная.

— Ну, знаешь ли, ясную погоду видно безо всяких птичек: достаточно посмотреть вокруг, — сказала Иззи. — Сегодня, к примеру, погодка чудная. Люблю солнце, — добавила она, закрыв глаза и воздев к небу наштукатуренное лицо.

«Кто ж не любит солнца?» — подумал Тедди. Исключение составляла разве что его родная бабушка, жившая затворницей в Хэмпстеде: у нее в гостиной всегда были задернуты тяжелые бархатные шторы, чтобы не впускать в дом солнечный свет. Или чтобы не выпускать мрак.

«Рыцарский устав», затверженный наизусть из «Руководства по скаутингу», которое помогало ему в минуты растерянности (даже теперь, когда он по своей воле отошел от скаутского движения), гласил: «Рыцарство требует, чтобы юноши радостно и с доброй волей выполняли самую тяжелую и черную работу и чтобы они делали добро другим».

Видимо, к такому разряду обязанностей относилась и прогулка с Иззи. Как ни крути, это была тяжелая работа.

Заслонив глаза от солнца, он искал в небе жаворонка. Тот больше не появлялся; пришлось довольствоваться маневрами ласточек. Ему вспомнился Икар: каким, интересно, выглядел он с земли? Наверное, огромным. Но ведь Икар — это миф, правда? После летних каникул Тедди предстояло отправиться в школу-интернат, но прежде нужно было многое разложить по полочкам. «Учись быть стойким, дружище, — советовал ему отец. — Тебя ждет испытание — в этом, по моему разумению, и заключается весь смысл. Советую тебе держаться ниже парашюта, — добавлял он. — Не тонуть, но и не высовываться, а барахтаться, так сказать, посередке».

Эту школу, по словам бабушки (той самой, из Хэмпстеда, единственной, поскольку мать Сильви давным-давно умерла), окончили «все мужчины у нас в роду»; можно было подумать, это закон, соблюдаемый с незапамятных времен. Тедди подозревал, что и сына его ждет та же участь, хотя сын еще только маячил где-то в невообразимо далеком будущем. На самом деле даже и не маячил — в его будущем имелась лишь дочка Виола, а сыновей не предвиделось. Об этом оставалось только сожалеть (не вслух, естественно, и уж тем более не в присутствии Виолы, которая ответила бы возмущенной отповедью).

Тедди поразился, когда Иззи вдруг запела и, что совсем уж невероятно, стала приплясывать. «Alouette, gentille alouette». Французского он, считай, не знал, но словечко «gentille» звучало красиво.

— Слышал это? — спросила Иззи.

— Нет.

— Песенка военного времени. Ее распевали французские солдаты. — По теткинскому лицу пробежала мимолетная тень... печали, наверное; и тут Иззи с радостью — столь же внезапной — сообщила: — Слова в ней — сущий кошмар. Про то, как оципывают бедную птичку. Выкалывают ей глаза, выдергивают перья, ножки и так далее.

На той непостижимой и при этом неизбежной войне, которая близилась не по дням, а по часам, на войне Тедди, Четыреста двадцать пятая франко-канадская эскадрилья носила имя «Алуэтта». В феврале сорок четвертого, незадолго до последнего боевого вылета, Тедди совершил вынужденную посадку на канадской базе в Толторпе, с горящими двигателями: их подстрелили над Ла-Маншем. Ребята из Квебека дали их экипажу хлебнуть бренди — жуткого горлодера, который тем не менее все выпили с благодарностью. На эмблеме их эскадрильи была изображена птица, а под ней девиз: «Je te plumerai»¹, и он вспо-

¹ «Я тебя оциплю» (фр.).

мнил тот давний день с Иззи. Воспоминания будто бы принадлежали кому-то другому.

Иззи сделала пируэт.

— «Жаворонки заливались в вышине»? — сквозь смех выговорила она.

Не это ли, подумал Тедди, имел в виду его отец, называя Иззи «на редкость неуравновешенной»?

— Что, прости?

— «Большие надежды». Неужели не читал? — (На миг ему, как ни странно, послышался голос матери.) — Шучу, шучу. Его ведь больше нет. Жаворонка. «Улииител. Тю-тю», — передразнила она дурашливым говорком кокни и легко добавила: — Я, между прочим, жаворонков пробовала. В Италии. Там их подают как деликатес. А в них и есть-то нечего. Так, на один укус.

Тедди передернуло. Мысль о том, что небесную птаху подстреливают в вышних сферах, что ее восхитительную песню прерывают на излете, повергала его в ужас. Через много-много лет, в начале семидесятых, Виола, поступив на отделение американистики, открыла для себя Эмили Дикинсон. Корявым, небрежным почерком дочь переписала первые строки стихотворения, которое, как ей казалось, должно было понравиться отцу (но скопировать короткий стих целиком поленилась).

Вскройте Жаворонка!
Там Музыка скрыта —
Лепесток в лепестке из серебра.

Удивительно, что дочка о нем подумала. Такое случалось редко. По его мнению, поэзия была одним из немногих увлечений, которые их сближали, хотя литературные беседы велись у них нечасто. Он решил отправить что-нибудь ей в ответ — стихотворение или хотя бы отрывок в несколько строк, просто чтобы поддержать переписку.

Здравствуй, дух веселый!
Взвившись в высоту,
На поля, на доли,
Где земля в цвету,
Изливай бездумно сердца полноту!

Или:

Чу! Слушай песни птиц — в них расцвела
Влюбленным похвала.

Или:

Небесный пилигрим и менестрель!
Иль кажется земля тебе нечистой?
Иль, ввысь взлетев и рассыпая трель,
Ты сердцем здесь с гнездом в траве росистой?

(Только ленивый не писал о жаворонках.) Наверное, дочка подумала бы, что он смотрит на нее свысока. По какой-то причине черпать у него знания было для нее неприемлемо, и он, поразмыслив, просто написал: «Спасибо за твое внимание».

Не успев прикусить язык — кольчуга хороших манер соскользнула, — он сказал:

— Поедать жаворонков стыдно, тетя Иззи.

— Это почему же? Ты ведь ешь курочку и прочую живность, правда? Какая разница?

В Первую мировую Иззи водила санитарный фургон. Зажаренная птица вряд ли могла разбередить ее чувства.

Разница огромная, ответил про себя Тедди, хотя невольно задумался, каков жаворонок на вкус. Хорошо, что Трикси залившимся лаем отвлекла его от этих мыслей. Он наклонился, чтобы приглядеться.

— Ты смотри-ка, медяница, — с видом знатока заговорил он сам с собой, на время забыв о жаворонках, осторожно взял свою находку двумя руками и предъявил Иззи.

— Змея? — скривилась тетушка. Видимо, змеи ничуть ее не привлекали.

— Да нет же, медяница, — ответил Тедди. — Это не змея. И не червяк. На самом деле это ящерица.

Золотисто-бронзовые чешуйки поблескивали на солнце. В этом тоже была красота. А что в природе не отмечено красотой? Даже слизни заслуживали определенного восхваления, но только не от его матери.

— До чего же ты смешной малыш, — сказала Иззи.

Тедди не считал себя малышом. С его точки зрения, Иззи, самая младшая из отцовских сестер, разбиралась в детях еще хуже, чем в зверях и птицах. Он не имел представления, с какой целью она его похитила. Как-то в воскресенье после обеда, когда он слонялся в саду и запускал вместе с Джимми бумажные самолетики, на него спикировала Иззи и заманила «на природу», под которой подразумевалась тропа, ведущая от Лисьей Поляны до железнодорожной станции, а вовсе не «горный кряж, речные воды». «Устроим себе маленькое приключение. Поболтаем. Это же здорово, правда?» И она сделала его пленником своих причуд, шла впереди и сыпала нелеными вопросами: «Тебе доводилось проглотить червяка?», «Любишь играть в индейцев и ковбоев?», «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?». (Нет. Да. Машинистом поезда.)

Он бережно вернул медяницу в траву и, чтобы утешить Иззи после недоразумения с жаворонком, решил порадовать ее колокольчиками.

— В лес придется идти лугом, — предупредил он, с сомнением глядя на ее туфли.

Похоже, они были сделаны из крокодиловой кожи, выкрашенной в ядовито-зеленый цвет, от какого откостил бы любой уважающий себя крокодил. Новехонькие, они явно не годились для походов по лугам. День клонился к вечеру, и молочное стадо, привыкшее считать этот луг своим, уже, к счастью,

покинуло выпас. Крупные, тучные коровы с добрыми любопытными глазами были бы озадачены появлением Иззи.

Она порвала рукав, зацепившись за изгородь, а потом умудрилась вляпаться зеленой крокодиловой туфлей в коровью лепешку, которая бросилась бы в глаза кому угодно, только не Иззи. Немного реабилитировало ее перед племянником лишь то, что эти происшествия ничуть не омрачили ее завидной беззаботности. («Как я понимаю, — говорила позже его мать, — она просто возьмет перепачканные туфли и выкинет».)

Колокольчики, к сожалению, ничуть ее не заинтересовали. В Лисьей Поляне их ежегодное цветение воспринимали с таким же восторгом, какой у иных вызывают картины старых мастеров. Гостей торжественно вели в лес, чтобы они полюбовались бескрайним облаком голубизны. «Вордсворт писал о нарциссах, — говорила Сильви, — а у нас колокольчики». Колокольчики им не принадлежали, отнюдь нет, но собственничество было у матери в крови.

Когда они возвращались по тропе, у Тедди почему-то начался трепет в груди, похожий на ликование сердца. До сих пор звучавшая в ушах песня жаворонка и терпкий травяной аромат необъятного букета колокольчиков сплавились воедино, чтобы подарить ему миг чистого упоения, какой-то эйфории, которая будто намекала, что все тайны вот-вот откроются. («Где-то есть мир света, — твердила его сестра Урсула, — только его заслоняет мрак». — «Манихеянка наша», — любовно приговаривал отец).

Та школа была ему, конечно, знакома, хотя и понаслышке. Морис, брат Тедди, теперь учился в Оксфорде, но когда он еще был школьником, Тедди часто сопровождал маму («мой маленький опекун»), когда та приезжала на вручение наград и юбилеи учредителей, а раз в семестр — на какое-то мероприятие

под названием «день открытых дверей», когда родителей допускали (хотя и не поощряли) к общению с отпрысками. «Не школа, а исправительный дом!» — фыркала мама. Вопреки поверхностному впечатлению Сильви отнюдь не была горячей сторонницей образования.

При всей своей верности родной школе отец всячески отнекивался от любых посещений этого места. Сильви объясняла отсутствие Хью разными причинами: большой загруженностью в банке, важными встречами, претензиями акционеров. «И так далее и тому подобное», — вполголоса заканчивала Сильви. «Возвращаться всегда тяжелее, чем идти вперед», — добавляла она в часовне под стоны органа, заводившего «Господь, Отец наш небесный».

Было это два года назад — вручение грамот в последнем семестре учебы Мориса. Морис был заместителем префекта, причем словечко «заместитель» злило его до невозможности. «Второй по старшинству, — кипел он в начале выпускного класса, когда ему дали это поручение. — Я вижу себя на первых ролях, а не на вторых». Он считал, что создан быть героем, который ведет других на бой, хотя в годы грянувшей войны буквально отсиживался за начальственным столом в Уайтхолле, где павшие в бою были для него всего лишь обременительными цифрами в таблицах. Тогда, в школьной часовне, жарким июльским днем тысяча девятьсот двадцать третьего года, никто бы не поверил, что новая война разразится так скоро. Еще не потускнела позолота на именах («наши выпускники, с честью выполнившие свой долг»), вырезанных на дубовых мемориальных досках в часовне. «Что им проку от этой чести», — гневно шептала Сильви на ухо Тедди. Первая мировая превратила Сильви в пацифистку, хотя и воинствующую.

В школьной часовне было душно; под нудные директорские речи дремота слоем пыли опускалась на передние скамьи. Сквозь витражи пробивалось солн-

це, которое падало на пол ромбами ограненных са-моцветов, каких не сыскать за церковными стенами. Вскоре судьба должна была привести сюда и Тедди. Мрачная перспектива испытаний.

Впрочем, когда дошло до дела, школьная жизнь оказалась, вопреки его ожиданиям, не столь уж страшной. Тедди легко заводил друзей и делал успехи в спорте, а эти качества всегда способствуют определенной популярности. Вдобавок он, добряк по натуре, не давал спуску задирам, и это тоже добавляло ему популярности, но тем не менее после выпуска, уже поступив в Оксфорд, он заключил, что в школе царили жестокость и варварство и что он ничем не принесет своих детей в жертву беспощадной семейной традиции. Ему хотелось иметь много сыновей — веселых, преданных, сильных, но вместо этого он получил одну Виолу — в качестве дистилляции (а может, редукции) своих надежд.

— Расскажи о себе, — попросила Иззи, выдернув из живой изгороди стебель дягиля и тем самым разрушив очарование момента.

— А что обо мне рассказывать? — удивился Тедди, и эйфория тут же улетучилась, а тайны вновь затянуло пеленой.

Потом, уже школьником, он прочел стихотворение Руперта Брука «Голос»: «...и голос, оскорбляющий молчанье. Ключа я не нашел» — точное описание подобного момента, но к этому времени (ибо такие ощущения по сути своей эфемерны) оно, как видно, улетучилось у него из памяти.

— Да что угодно, — ответила Иззи.

— Ну, мне одиннадцать лет.

— Вот глупыш, это я и сама знаю. — (Порой он в этом сомневался.) — Что делает тебя таким, каков ты есть? Какие у тебя любимые занятия? Есть ли у тебя такая штукавина... как ее... — (Иззи пасовала перед незнакомым вокабуляром.) — ...Давид и Голиаф... праца, что ли?

— Рогатка?

— Вот-вот! Чтобы в людей пулять, убивать зверушек и так далее.

— Убивать зверушек? Нет уж! Я такими делами не занимаюсь. — (Таковыми делами занимался его брат Морис.) — Валяется где-то. Я раньше из нее каштаны с дерева сбивал.

Похоже, тетушку разочаровал его пацифизм, но прервать допрос оказалось невозможно.

— А какие-нибудь передряги? Без них у мальчишек не обходится, верно? Передряги, заварушки.

— Передряги? — Он не без содрогания припомнил историю с зеленой краской.

— Ты же состоишь в рядах бойскаутов, правильно я понимаю? — Вытянувшись по стойке смирно, Иззи с шиком вскинула руку в салюте. — Могу поспорить, ты бойскаут. «Будь готов!»

— Состоял когда-то в младшем отряде.

Ему совершенно не хотелось обсуждать с ней эту тему, но врать он не мог физически, как будто с рождения носил на себе какое-то заклятие. Обе его сестры — и даже Нэнси — при необходимости виртуозно лгали, Морис и вовсе был едва знаком с правдой (или с Истиной), а в Тедди как назло засела честность.

— Тебя исключили из бойскаутов? — оживилась Иззи. — Вышибли? Со скандалом?

— Нет, что ты!

— Ну-ка, выкладывай. Что там было?

Был «Клан Киббо Кифт», подумал Тедди. Но если заговорить об этом вслух, то придется слишком долго объяснять.

— Киббо Кифт? — переспросила она. — Какое-то клоунское имя.

— Ну а как насчет сладкого? Ты ведь до конфет сам не свой, правда? Какие твои любимые? — Она извлекла откуда-то блокнотик; Тедди встревожил-

ся. — Да ты не обращай внимания, — поспешила успокоить она. — В наше время все берется на карандаш. — Стало быть... конфеты?

— Конфеты?

— Конфеты, — подтвердила она и со вздохом добавила: — Видишь ли, милый Тедди, у меня нет знакомых мальчишек, кроме тебя. Мне интересно, из какого теста они сделаны, помимо улиток, ракушек и зеленых лягушек. А ведь мальчик, — продолжала она, — это будущий мужчина. В каждом мужчине — мальчик, в каждом мальчике — мужчина и все такое. — Последнюю фразу она произнесла рассеянно, изучая при этом сорванный дягиль. — Вот ты, например, вырастешь похожим на папу?

— Надеюсь.

— Послушай, не стремись быть как все. Бери пример с меня. Ты должен вырасти настоящим пиратом!

Она принялась рвать стебель дягиля на кусочки.

— Мужчины говорят, что женщины — загадочные создания, но я думаю, это лишь уловка, чтобы напустить туману и не дать нам разглядеть их собственную абсолютную непостижимость.

Последние два слова прозвучали громко и с явным раздражением, как будто она говорила об определенном человеке. («Возле нее вечно крутится какой-нибудь мужчина», — нередко слышал Тедди от своей матери.)

— А как насчет девочек? — спросила Иззи.

— При чем тут девочки? — удивился он.

— У тебя есть подружка? Ну, ты меня понимаешь: девочка, которая тебе нравится больше всех? — Она состроила глупую гримасу, пытаясь намекнуть (с его точки зрения, безуспешно) на влюбленность и прочие глупости.

Его бросило в краску.

— Мне птичка на хвосте принесла, — не унималась Иззи, — что ты втюрился в одну из соседских девочек.

Что еще за птичка? — призадумался он. Нэнси и весь выводок ее сестер — Уинни, Герти, Милли, Беа — жили неподалеку от Лисьей Поляны, в доме под названием «Галки». В окрестных лесах гнездились множество этих птиц; они облюбовали лужайку Шоукроссов, где миссис Шоукросс по утрам крошила для них остатки подсушенного хлеба.

Тедди ни за что не выдал бы Нэнси, даже под пытками, которые, между прочим, уже начались. Еще не хватало, чтобы тетушка издевательски трепала ее имя. С Нэнси они были друзьями не разлей вода, а вовсе не слюнявой влюбленной парочкой, на что намекала Иззи. Естественно, в будущем он собирался взять Нэнси в жены и любить, это да, но чистой, рыцарской любовью. Вообще-то, никакой другой любви он не признавал. Ему, конечно, случалось видеть, как бык покрывает корову; Морис болтал, что примерно тем же занимаются и люди, причем, с ухмылкой добавлял он, папа с мамой — не исключение. Тедди считал, что это вранье. Хью и Сильви были слишком достойной парой для такой акробатики.

— Ой, а что это мы так покраснели? — заворковала Иззи. — Не иначе как я докопалась до твоих секретов, а?

— Грушевые леденцы, — отрезал Тедди, рассчитывая покончить с этой инквизицией.

— Какие еще леденцы? — не поняла Иззи (она легко отвлекалась).

Растерзанный стебель дягиля валялся под ногами. Иззи не отличалась бережным отношением к природе. Шагая по лугу, она, со свойственной ей беспечностью, поддевала ногами гнезда чибисов, распугивала мышей-полевков. Ей был привычнее городской, механистический мир.

— Мои любимые конфеты, — ответил Тедди.

Свернув за угол, они встретили стадо коров, которые, толкаясь и теснясь на троне, возвращались по-

сле дойки. Уже, наверное, поздно, мелькнуло в голове у Тедди. Оставалось только надеяться, что он успеет к чаю.

— Ах, какая прелесть — колокольчики! — воскликнула мама, когда они переступили через порог.

Она уже была нарядно одета и сама выглядела чудесно. В школе, где ему предстояло учиться, у мамы, по словам Мориса, было полно воздыхателей. Тедди гордился, что его мать — признанная красавица.

— Чем же можно было заниматься столько времени? — спросила Сильви.

Вопрос был обращен к Тедди, но адресован Иззи.

Сильви, в мехах, изучает свое отражение в зеркале спальни. Подняла воротник короткой пелерины, чтобы оттенить лицо. Критический осмотр. Когда-то зеркало было ей другом, а теперь оставалось равнодушным наблюдателем.

Она подняла руку к волосам — к своей «роскошной короне», гнезду шпилек и гребней. Теперь такая прическа не в моде — это клеймо матроны, отставшей от времени. Не сделать ли стрижку? Хью не переживет. У нее перед глазами промелькнуло нежданное воспоминание — набросок углем работы ее отца, сделанный им незадолго до смерти. «Сильви в облике ангела» — назвал он этот портрет. Шестнадцатилетняя, застенчивая, в длинном белом платье (если уж совсем честно — в ночной сорочке, причем совсем легкой), она сидела вполоборота к отцу, чтобы во всей красе продемонстрировать изумительный каскад волос. «Сделай скорбный вид, — требовал отец. — Думай о грехопадении рода человеческого». Сильви, перед которой маячила прекрасная, неведомая жизнь, с трудом проникалась подобными мыслями, но тем не менее прелестью надувала губки и рассеянно сверлила взглядом дальнюю стену необъятной отцовской студии.

Сидеть в такой позе было неудобно; ей до сих пор помнилось, как у нее ныли бока, — она страдала во имя папиного искусства. Великий портретист Лью-эллин Бересфорд, обласканный богатыми и знаменитыми, оставил после себя одни долги. Сильви по сей день ощущала эту потерю — нет, не отца, но той жизни, которую он построил, как оказалось, на песке.

«Что посеешь, — тихонько причитала ее мать, — то и пожнешь. Только вот сеял он, а нам и пожинать-то нечего».

За его смертью последовали унижительные торги по распродаже имущества, и мать затащила Сильви на аукцион, как будто поставила своей целью проводить глазами каждую вещь, которая уплывала из их рук. Неузнанные (как им хотелось надеяться), они сидели в заднем ряду и смотрели, как их добро выставляют на всеобщее обозрение. Под конец этого оскорбительного действия на продажу выставили этюд к портрету Сильви. «Лот сто восемьдесят два. Выполненный углем портрет дочери художника», — объявил аукционист; по всей вероятности, ангельский облик Сильви был совершенно неочевиден. Пусть бы отец пририсовал ей нимб и крылья, чтобы прояснить свой замысел. А так с портрета смотрела миловидно-сердитая девочка в ночной сорочке.

При каждом объявлении цены какой-то потрепанного вида толстяк поднимал вверх свою сигару, и «Сильви» в конце концов ушла с молотка за три фунта десять шиллингов и шесть пенсов. «За бесценно», — сокрушалась ее мать. Сейчас, наверное, и этого бы не дали, подумала Сильви. После войны отцовские работы напрочь вышли из моды. Где же теперь этот портрет? — подумала она. Хорошо бы его вернуть. От этой мысли ее отражение в зеркале сделалось сердитым. Когда торги ни шатко ни валко подошли к завершению («Сборный лот: парные бронзовые подставки для каминных дров; серебряная ступка, с па-

тиной; медный кувшин»), они, зажатые в толпе у выхода, случайно услышали, как тот неряшливый толстяк, не понижая голоса, заявляет своему спутнику: «Хотя бы расслаблюсь под этот свеженький персик». Мать Сильви вскрикнула — негромко, поскольку закатывать сцены было не в ее привычках, — и потащила свою невинную ангелицу в сторону.

Все прахом, говорила себе Сильви, все идет прахом. С начала начал, с момента грехопадения. Она поправила воротник пелерины. Для такого наряда сейчас было слишком жарко, но она считала, что меха красят ее, как ничто другое. Голубой песец; думать об этом было грустно: Сильви с нежностью относилась к лисам, которые забегали к ним в сад, — от них и пошло название поместья. Сколько же их потребовалось на эту пелерину? — задумалась она. Уж всяко меньше, чем на шубу. В шифоньере у нее висела норка — подарок от Хью на десятую годовщину их свадьбы. Пора отдать ее в переделку, чтобы выглядела более современно. «Как и меня», — сказала она зеркалу.

У Иззи была новенькая шубка-баллон. Из соболей. Как Иззи обзаводилась мехами, не имея ни гроша? «Это подарок», — отвечала она. Естественно, от мужчины, а мужчины не дарят шубки за просто так. Мужья, конечно, не в счет: тех устраивает самая скромная благодарность.

Дрожащей рукой Сильви, не склонная к излишней нервнойности, облилась духами до полуобморочного состояния. Ей предстояло провести вечер в Лондоне. В поезде будет жарко и душно, а в городе — и того хуже; мехами придется пожертвовать. Как песцы пожертвовали ради нее своей жизнью. Получилась, с позволения сказать, шутка из разряда тех, что мог бы отпустить Тедди, но не Сильви. Сильви не обладала чувством юмора. Такова уж была ее натура.

Почему-то ее вниманием завладело фото на туалетном столике: студийный портрет, сделанный по-

сле рождения Джимми. Сильви позировала сидя. Новорожденный, в просторном платьице, в котором крестили всех Годдов, будто переливался через край ее объятий, а весь остальной выводок, призванный изображать благоговение, был со знанием дела рассажен вокруг. Сильви провела пальцем по серебряной рамке, желая найти нежность, но нашла только пыль. Надо будет отчитать Бриджет. Девчонка стала филонить. («От прислуги рано или поздно жди гадостей», — поучала свекровь, когда Сильви вышла замуж за Хью.)

Шумная суета у входа могла означать только одно: возвращение Иззи. Сильви неохотно сменила меха на легкую вечернюю накидку, ради которой пожертвовали жизнью лишь трудолюбивые гусеницы шелкопряда.

Потом надела шляпку. Старомодная прическа лишила ее возможности носить популярные ныне аккуратные «менингитки», шлемики и береты, поэтому она до сих пор ходила в шляпке-капюшоне. Внезапно ей в палец впилась длинная серебряная шляпная булавка. (Можно ли шляпной булавкой убить человека? Или только ранить?) У Сильви вырвалось проклятие, отчего умытые, невинные личики ее детей на фотографии приобрели укоризненное выражение. Ничего удивительного, подумала она. Вскоре ей предстояло разменять пятый десяток, и эта перспектива вызывала у нее недовольство собой. («Еще большее недовольство», — подкусывал Хью.) Ей в спину дышала раздражительность, а впереди маячило безрассудство.

Она окинула себя последним критическим взглядом. Сойдет, подумалось ей, хотя останавливаться на таком суждении было совсем не обязательно. Вот уже два года они с ним не виделись. Сочтет ли он ее красавицей, как прежде? Ведь именно так он ее и называл. Есть ли в целом мире хоть одна женщина, равнодушная к такому обращению? Но Сильви не

поддалась и сохранила свою честь. «Я замужняя женщина», — чинно повторяла она. «Тогда, радость моя, не нужно играть в эти игры, — говорил он. — Последствия могут слишком больно ударить по тебе... по нам обоим». От этих слов он смеялся, будто находя в них некую притягательность. В самом деле, она его поманила, а потом обнаружила, что зашла в тупик.

После долгого отсутствия — в интересах Империи его направили с важной миссией в одну из колониальных стран — он вернулся, жизнь Сильви стала утекать как вода у нее между пальцев, и охота к чопорности пропала напрочь.

Ее встретил необъятный букет колокольчиков.

— Ах, какая прелесть — колокольчики! — обрадовалась она к Тедди.

К своему мальчику. У нее было еще двое сыновей, но те как-то не считались. А дочери порой настолько вызывали нежность, сколько доставляли неприятности, с которыми приходилось разбираться. Из всех детей только один сжимал ее сердце в кулачке, грязноватом притом.

— Беги умойся перед чаем, милый, — сказала она Тедди. — Чем, интересно, ты занимался?

— Нам нужно было получше узнать друг друга, — сказала Иззи. — Замечательный мальчуган. А ты, между прочим, шикарно выглядишь, Сильви, и аромат такой, что веет за сотню ярдов. Прямо *femme seduisante*¹. У тебя что-то намечается? Ну-ка, признавайся.

Сильви испепелила ее взглядом, но была избавлена от необходимости отвечать, потому что увидела грязные крокодиловые туфли и грязно-зеленую цепочку следов на дорогой ковровой дорожке в прихожей.

¹ Соблазнительница (фр.).

Содержание

<i>30 марта 1944.</i> Последний вылет	9
1925. «Алуэтта»	11
1980. «Дети Адама»	51
1947. Неумолимая зима	88
1939. Война Тедди	127
1993. Мы, кто остался	157
1951. Незримый миру червь	204
1942–1943. Война Тедди	242
1982. Полночная отвага	293
1943. Война Тедди	334
1960. Небольшие, безымянные и всеми позабытые поступки, вызванные любовью и добротой	377
2012. Добро, Смиренье, Мир, Любовь	412
<i>30 марта 1944.</i> Последний вылет	445
2012. Оптимальные результаты	472
2012. Последний вылет	485
1947. Дочери Элизиума	499
От автора	509
Благодарности	516
Источники	517
Примечания. <i>Е. Петрова</i>	520

Аткинсон К.

А 92 Боги среди людей : роман / Кейт Аткинсон ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 544 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-11205-6

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбиться и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия».

И вот за поразительным мировым бестселлером «Жизнь после жизни», рассказывавшим, как методом проб и ошибок наконец прожить XX век правильно, следует его продолжение — «Боги среди людей». И если Урсула Todd прожила много жизней, то ее брат Тедди — лишь одну, зато очень длинную. Он изучал в Оксфорде поэзию Уильяма Блейка, а потом убирал урожай в южной Франции, он за штурвалом четырехмоторного «галифакса» бомбил Берлин, а потом уверился, что среди людей есть боги: ведь, по выражению Эмерсона, сам человек — это рухнувшее божество...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

КЕЙТ АТКИНСОН
БОГИ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.03.2016. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 26,52.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YABA1923401R